

Развод в 45

Письмо, которое
ты спрятал

ЛИЛИАННА РОУЗ

Лилианна Роуз

**Развод в 45. Письмо,
которое ты спрятал**

«Автор»

2026

Роуз Л.

Развод в 45. Письмо, которое ты спрятал / Л. Роуз — «Автор», 2026

Мне сорок пять. После двадцати трех лет брака муж собрал вещи и ушел к другой. Я думала, страшнее его признания уже ничего не будет. Пока не нашла в нижнем ящике письмо. Девять лет назад мне написала женщина, которая родила меня. Артем вскрыл конверт и решил, что мне лучше ничего не знать. Теперь я хочу услышать ответ сама. Даже если он окажется совсем не таким, какого я ждала всю жизнь. А еще в моей жизни появился Александр. Он умеет рассмешить меня в самый неудачный момент, не обещает исправить прошлое и иногда бывает невыносимо упрямым. Рядом с ним мне снова хочется целоваться, строить планы и спорить о том, что приготовить на ужин. Но смогу ли я впустить новую любовь, не превращая ее в замену всему, чего мне не хватило?

© Роуз Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Нижний ящик	5
Глава 2. Девять лет	8
Глава 3. Мама дома	11
Глава 4. Правила на обороте	14
Глава 5. Рабочий цвет	17
Глава 6. Старая улица	20
Глава 7. Не та пристань	23
Глава 8. Чужой голос	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Лилианна Роуз

Развод в 45. Письмо, которое ты спрятал

Глава 1. Нижний ящик

Артем вынес из спальни гладильную доску и остановился посреди коридора.

— Эту я тоже заберу.

Я сидела на полу возле письменного стола. Передо мной лежали три удлинителя, пустая коробка от телефона и мешок, в который я складывала ненужные бумаги. Один удлинитель был перевязан красной ниткой. Девять лет назад, когда в Ксюшиной комнате перестала греть батарея, я подключала через него маленький обогреватель. Возле обогревателя сушила ее мокрые варежки, а провод пометила, чтобы не путать с коротким, от лампы. Обогревателя давно не было. Нитка сохранилась.

— Доску оставь, — сказала я.

— У нас есть маленькая.

Он произнес «у нас» и сразу посмотрел на меня.

Три дня назад, за этим же столом, Артем сообщил, что любит другую женщину. Не запутался, не устал, не собирается пожить отдельно, чтобы разобраться. Любит. Я тогда долго смотрела на крышку его ноутбука: возле петли отслоился маленький уголок наклейки, и мне хотелось его прижать. Артем говорил, что все вышло постепенно. Я прижимала наклейку ногтем. Она отходила снова.

Теперь у него уже было «у нас» с маленькой гладильной доской.

— Значит, обойдешься маленькой.

Он поставил доску к стене. На синем чехле виднелось светлое пятно от утюга. Я сама его оставила, еще зимой, когда он позвонил и попросил срочно найти квитанцию. Так и простояла с телефоном в одной руке, с утюгом в другой. Потом оттирала. Он сказал, что ничего страшного, чехол можно поменять.

— Нина, давай без этого.

— Без чего?

— Мы же решили спокойно.

Я не помнила, чтобы решала спокойно. Я помнила, как утром налила кофе в дуршлаг, поставленный в раковину. Держала турку, смотрела, как коричневая струя уходит сквозь дырочки, и не могла понять, чего не хватает. Чашки. Обычной чашки, которую я каждое утро ставила перед собой.

— Доска нужна мне, — повторила я. — Рубашки свои ты уже забрал.

На нем была одна из этих рубашек, с мелкими синими квадратами. В воротнике я недавно подшила уголок. Сейчас мне хотелось знать, встречался ли он с ней именно в этой рубашке, но спрашивать я не стала. Ответ превратил бы воротник в еще одну вещь, на которую невозможно смотреть.

Артем ушел в комнату Ксении. Дочь жила отдельно второй год, и теперь туда постепенно перемещалось все, чему мы не находили места: коробки, складные стулья, старые сумки. Вчера Артем предложил вынести оттуда диван, чтобы сделать мне рабочий кабинет. Я спросила, почему он решил, что после его ухода я начну работать дома. Он пожал плечами. Даже сейчас составлял для меня удобный план.

Я взялась за ручку нижнего ящика.

Стол стоял в квартире дольше, чем Артем. В детстве я делала за ним уроки, упираясь ногами в перекладину. Потом мы заменили столешницу, прикрутили сбоку держатель прово-

дов, и он стал считаться мужниным: здесь помещались его ноутбук, принтер и два пластиковых лотка. Десять лет назад мы с Артемом выкупили у мамы эту квартиру, а она на эти деньги приобрела поменьше. Мы жили здесь и до покупки. С тех пор в нижний ящик заглядывал преимущественно Артем.

Я хотела переставить стол к окну. Он заслонял розетку, возле которой мне было удобно ставить швейную машинку. Раньше ради одного подшитого полотенца я разматывала провод через всю комнату. Впервые за три дня я знала, чего хочу: поставить машинку и не цепляться ногой за провод.

Ящик выдвинулся наполовину и застрял.

— Тут что-то мешает, — сказала я.

— Приподними слева.

Я приподняла. Внутри перекатилось что-то тяжелое.

— У тебя здесь кирпичи?

— Может, батарейки старые. Потом выкинешь.

— Сам выкинешь.

Он появился в дверях с пыльным тубусом под мышкой.

— Этот тоже мой.

— Забирай.

— Там твой диплом, кажется.

Я посмотрела на него снизу вверх. Он помедлил, опустил тубус, вытащил свернутый лист. Это оказалась Ксюшина грамота за школьный конкурс рисунков. Артем сунул ее обратно.

— Разберемся позже.

— Оставь.

Ящик наконец вышел. Я поставила его на пол, и меня обдало сухим бумажным запахом. Сверху лежала инструкция к стиральной машине, которой уже пять лет не было. Под ней была старая картонная папка с гарантийными талонами. Я раскрыла ее, и из-под сложенной схемы выпал белый конверт.

Он был открыт.

Я подцепила его пальцами. На лицевой стороне круглым, аккуратным почерком было выведено: «Титовой Нине Алексеевне».

Мою девичью фамилию я видела редко. В школе ее произносили нараспев, когда вызывали к доске. В типографии некоторые старшие работники еще помнили меня Титовой, но обращались по имени. В банковских бумагах, в рабочих ведомостях, на школьных заявлениях дочери я давно была Крыловой.

Здесь стоял наш адрес. Без ошибки, включая букву у номера дома.

Я перевернула конверт.

Галина Сергеевна Воронцова.

Эту фамилию я тоже знала.

Мама назвала ее, когда мне было четырнадцать. Мы тогда сидели на кухне, и я разламывала печенье на одинаковые кусочки, чтобы не смотреть на нее. Мама сказала, что женщина, которая меня родила, живет в другом городе. Что я могу задавать любые вопросы. Что они с папой меня любят. Последнее я и так знала, но после разговора несколько ночей вставала и проверяла, светится ли щель под их дверью.

Я больше никогда не видела имени Галины Воронцовой на вещи, которую держала в руках.

Артем подошел к столу.

— Что там?

Я подняла конверт так, чтобы он увидел фамилию.

Он остановился.

Я успела заметить все: как его пальцы сжали край тубуса, как дернулась щека, как он посмотрел на открытый ящик. Не на меня. На ящик.

— Откуда это у тебя?

— Нин, там давняя история.

— Откуда?

Он потер переносицу большим и указательным пальцами. Этот жест я знала наизусть. Артем так делал, когда на работе путали отгрузку, а объяснять мне подробности он не хотел.

— Оно пришло по почте.

На кухне гудел холодильник. За стеной сосед уронил что-то металлическое. На улице женщина окликнула ребенка, и ребенок ответил, что уже идет.

— Мне?

— Ты же видишь.

Я посмотрела на штемпель. Цифры были бледными, одна смазалась у края марки. Месяц я не разобрала сразу, зато год прочитала без труда.

Девять лет назад.

Мне тогда было тридцать шесть. Ксения еще носила волосы в две косы, я работала в другом цехе, мама ездила на дачу с огромной клетчатой сумкой. Артем купил первую по-настоящему хорошую зимнюю куртку. Мы вместе выбирали ее, стояли перед зеркалом, я разглаживала ему плечи.

— Почему я его не видела?

Он поставил тубус на стол. Очень аккуратно, чтобы тот не покатился.

— Я собирался тебе сказать.

Я смотрела на его руки.

— Девять лет?

— Дай объясню.

Внутри конверта лежали два сложенных листа. Верхний край одного пожелтел. Я вынула их, и Артем сделал движение ко мне.

— Подожди, Нина. Не надо сейчас, когда ты и так...

Я встала так резко, что локтем задела ящик. Инструкции рассыпались по полу.

Он не договорил.

Я прижала листы к груди, хотя он больше не пытался их взять. В феврале мне исполнилось сорок пять. Теперь, месяц спустя, я стояла в собственной комнате перед человеком, с которым прожила двадцать три года, и впервые не понимала, сколько еще у него было причин скрывать от меня мое письмо.

— Выйди, — сказала я.

— Нин...

— Из комнаты. Сейчас.

Он вышел. Доска, которую он хотел забрать, ударилась о стену, когда он задел ее плечом.

Я закрыла дверь, подняла с пола инструкцию к стиральной машине и положила на стол. Зачем-то разгладила ее ладонью. Потом села и развернула первый лист.

«Нина, я не знаю, как к тебе обратиться».

Глава 2. Девять лет

«Можно написать “дорогая”, но ты меня не знаешь. Можно “дочь”, но я не уверена, что имею право. Поэтому я напишу просто: Нина».

На этом месте я остановилась. Почерк был не похож на мой. Я почему-то ожидала, что будет похож. В детстве я пыталась писать так, как мама: крупно, с одинаковыми наклонными палочками. У меня получалось мелко, буквы налезали одна на другую. Теперь передо мной лежали чужие ровные строки, а я искала в них хоть один знакомый крючок.

«Мне пятьдесят шесть лет. Я давно думала тебе написать. Несколько раз начинала, потом рвала. Наверное, это не оправдание, а просто то, что было».

На втором листе она объясняла, откуда у нее адрес: знала адрес старой квартиры Титовых, другого у нее не было. Не была уверена, что я до сих пор там живу. Просила, если письмо придет к родителям, передать мне, но только мне самой решать, отвечать или нет.

Только мне самой.

Я перечитала эту фразу трижды.

Галина не писала, что меня искала всю жизнь. Не называла меня маленькой девочкой. Сообщала, что живет в том же городе, где жила раньше, работает в мастерской по пошиву штор и иногда думает, похожа ли я на нее. «Я понимаю, что у тебя своя семья. Я не хочу ничего у нее отнимать. Если ты захочешь встретиться, я буду рада. Если не захочешь — я пойму».

Внизу стояли номер телефона и подпись. Просто имя.

Я взяла телефон со стола. Набрала первые три цифры, стерла их. Девять лет. Она могла уехать, сменить номер, передумать. Я даже не знала, жива ли она. В письме ей было пятьдесят шесть. Сейчас должно быть шестьдесят пять.

Мне захотелось услышать мамин голос, но тут же стало страшно, что она спросит, что случилось, а я не сумею начать.

За дверью Артем передвинул коробку. По полу протяжно прошуршал картон.

Я положила письмо на стол, подошла к двери и открыла ее.

Он сидел на пуфике, обхватив колени руками. На полу возле него стояла спортивная сумка с рекламным логотипом. В эту сумку мы складывали Ксюшины вещи, когда она ездила с классом на экскурсии. Теперь сверху торчали его домашние тапочки.

— Ты прочитал?

Он кивнул.

— Тогда. Сразу?

— Да.

— Зачем открыл?

— Я увидел фамилию. Ты говорила... Я помнил.

— И решил, что это тебе?

— Не надо так.

— Как мне надо?

Он поднялся. Я отступила, не желая, чтобы он подошел слишком близко.

— У тебя тогда на работе все было плохо. Ты приходила никакая. Плакала из-за этих сокращений, из-за смен. И я подумал: зачем еще это? Вдруг встреча тебя расстроит, и Валентину Андреевну тоже. Ты сама говорила, что не хочешь ее искать.

Я действительно говорила. Однажды, в машине, возвращаясь от мамы. Мне было тридцать два. Артем спросил, не хотелось ли мне узнать, где родная мать. Я ответила, что нет. Слишком быстро, будто отбивала от себя брошенный предмет. Он включил музыку, и разговор закончился.

— Я сказала, что не хочу искать, — произнесла я. — Она написала сама.

— Я знаю.

— Ты решил за меня.

— Да. Решил. Неудачно. Что ты хочешь, чтобы я сейчас сказал?

Он уже начинал сердиться. От этого мне вдруг стало легче говорить. Пока он был виноватым и тихим, мне все время хотелось подобрать слова так, чтобы не причинить ему лишней боли. Двадцать три года привычки не исчезали за три дня.

— Хочу знать, почему потом не отдал.

— Сначала думал: до выходных пусть постоит. — Он вздохнул. — Сунул в инструкции, чтобы не попалось случайно. Потом ты успокоилась. Все наладилось. У Ксении школа, мы собирались в отпуск. А я уже боялся объяснять, почему месяц молчал.

— И ты решил подождать девять лет.

— Я не ждал девять лет. Я убрал и забыл.

Я посмотрела на спортивную сумку.

— Совсем?

Он молчал.

— Артем.

— Иногда вспоминал.

Мы стояли друг против друга в коридоре, где было слишком тесно для такого разговора. Мне мешал рукав его куртки на крючке. Я отодвинула его, но рукав снова сполз и коснулся моего плеча.

— Мама знала?

— Нет.

— Ксения?

— При чем тут Ксения? Ей тогда тринадцать было.

— Не знаю. Я теперь многого не знаю.

— Нина, я не хотел тебя обидеть.

Я вспомнила свое тридцать шестое лето. Как мы жарили на даче кабачки, как Ксения не хотела ехать с нами и спорила до хрипоты, как я вечером сидела на крыльце и жаловалась Артему, что дочка вырастет слишком быстро. Он обнял меня за плечи. Мы просидели там долго. Я думала, он знает все, что меня тревожит. В это время в нижнем ящике лежало письмо, которое могло изменить мои тревоги, мое лето, может быть, несколько следующих лет.

— Ты ей отвечал?

— Нет.

— Звонил?

— Нет. Нин, честно, нет.

Я не стала спрашивать, как мне отличить нынешнее «честно» от прежнего. Ответа у него не было бы.

— Собери остальное, — сказала я. — Я уйду на час. Ключи положишь на кухне.

— Мы не договорили.

— Сегодня договорили.

Он посмотрел на комнату.

— Я могу попробовать найти ее. Номер проверить, еще что-то. Если хочешь.

Я почувствовала такое сильное желание толкнуть его, что сцепила пальцы за спиной.

— Не звони ей. Не ищи. Ничего не делай.

Он вскинул ладонь. Я не двинулась с места, пока он не посмотрел мне в глаза.

Я повторила:

— Ни одного звонка, Артем.

— Хорошо.

Я положила письмо в сумку. Надела пальто поверх домашней кофты, сунула ноги в ботинки. На улице было сыро. Снег у ограды почернел и просел, с козырька подъезда падала вода. Я прошла мимо магазина, где мы обычно покупали хлеб, и свернула к детской площадке.

На качелях сидела девочка в сиреновой шапке. Отец толкал ее, придерживая за спинку.

— Выше!

— Сама же просила медленно.

— Теперь выше!

Я дошла до конца двора и остановилась возле мусорных контейнеров. Дальше идти было некуда. Через мокрые ветки виднелось наше окно. Артем открыл его настежь: наверное, ему стало жарко таскать коробки.

Мне захотелось вернуться и сказать, чтобы закрыл. В комнате стояли мои цветы.

Я достала телефон. Позвонила не ему.

— Мам, ты дома?

— А где мне быть? Только с улицы пришла. Ты чего такая?

— Можно я приеду?

— Конечно. Что случилось?

Я стояла возле контейнеров, сжимая сумку с чужим письмом.

— Я тебе расскажу. Только не пугайся заранее.

— После таких слов я только и могу, что пугаться. Езжай. Чайник поставлю.

Она положила трубку. Я пошла к остановке. В автобусе нашлось место у окна, и я села, не снимая сумку с колен. Каждые несколько минут я трогала ее застежку. Письмо оставалось внутри. На этот раз оно было у меня.

Глава 3. Мама дома

Мама открыла дверь с ножницами в руке.

— Снимай все мокрое. Я купила полотенца, а там эти хвосты пластиковые, ничем не возьмешь.

Она махнула ножницами в сторону кухни и отступила, давая мне пройти. На ней был зеленый жилет, который я вязала прошлой осенью. Одну пуговицу она уже заменила: подходящей не нашла, пришила темно-коричневую, крупнее остальных. Я заметила это и едва не заплакала.

— Что? — спросила мама.

— Пуговица.

— Нормальная пуговица. Застегивается.

Я сняла пальто. Мама взяла его, повесила на плечики, потрогала влажный подол. Ей было шестьдесят девять. На прошлой неделе она спорила со мной из-за тяжелой сумки, которую не хотела отдавать: я взяла один пакет, она упрямо перехватила другой. Мы так и дошли от остановки, не разговаривая, обе злые и обе считая себя правыми.

Сегодня она не спросила, почему я не позвонила раньше. Просто поставила передо мной чашку и достала из холодильника контейнер.

— Запеканка. Вчера сделала.

— Я не голодная.

— Тогда не ешь.

Она все равно положила на тарелку кусок, но придвинула его к себе. Это было так похоже на маму, что я наконец смогла заговорить.

Сначала об Артеме. О том, что он признался во вторник. Что связь длится почти год. Что он уходит.

Мама отложила вилку.

— Кто она?

— Его знакомая по работе. Я ее видела два раза.

— Имя у нее есть?

— Есть. Алина.

Мама повторила имя, словно примерила к знакомому лицу, но представить Алину не могла. Я тоже плохо помнила Алину. Высокая женщина в светлом жакете, однажды стояла у входа в ресторан с телефоном. Я тогда подошла к Артему, он представил нас и сразу спросил, не замерзла ли я. Я ответила, что нет.

— Ксюша знает?

— Еще нет. Я скажу сама.

— Правильно.

Мама встала, прошла к окну, поправила занавеску. Потом вернулась.

— Что тебе нужно?

От этого вопроса я все-таки заплакала. Ненадолго, некрасиво, прижимая к лицу бумажную салфетку, которая расползлась на пальцах. Мама сидела рядом. Не гладила меня по голове, не повторяла, что все пройдет. Подвинула коробку с салфетками.

— Я не знаю, — сказала я, когда смогла говорить. — Пока не знаю.

— Побудь здесь сегодня.

— Мне домой надо. Он ключи оставит.

— Тогда поешь сначала.

Я потянулась к сумке.

— Есть еще кое-что.

Мама посмотрела на меня испуганно.

— Нина.

Я достала конверт и положила на стол адресом вверх.

Она читала медленно. Потом взяла в руки, перевернула, снова посмотрела на лицевую сторону.

— Когда?

— Девять лет назад.

Мама подняла голову.

Я рассказала про ящик. Про то, что Артем открыл письмо и оставил у себя. Пока я говорила, мама держала конверт двумя руками. Не читала листы, не пыталась вытащить. Только после моей паузы спросила:

— Можно?

Я кивнула.

Мама прочитала оба листа. Губы у нее двигались, как иногда, когда она считала расходы в квитанциях. Закончив, она аккуратно сложила бумагу по прежним сгибам и отдала мне.

— Я не знала, — сказала она.

— Я верю.

— Нина, правда не знала.

— Мам, я верю тебе.

Она сидела, положив ладони на стол. На тыльной стороне правой руки у нее было маленькое темное пятнышко. В детстве я называла его островом и приставляла к нему пальцы-кораблики. Папа смеялся, говорил, что пора мне учить географию по карте.

— Ты хочешь ее найти?

Я смотрела на мамину руку.

— Хочу узнать, где она. И... да. Хочу увидеть.

Мама кивнула, но не сразу.

— Понимаю.

Я слышала, как ей трудно далось это слово.

— Это не потому, что мне тебя мало.

— Я не сказала, что мало.

— Я знаю.

— Просто... — Она обернулась к плите, хотя там ничего не готовилось. — Я думала, ты не хочешь.

— Я тоже так думала.

Чай остыл. Мама встала, вылила свой в раковину, налила новый. Мою чашку не тронула. Я отпила холодного, чтобы занять руки.

Когда мне было четырнадцать, она рассказала про Галину потому, что я спросила прямо. Услышала от двоюродной тетки неосторожную фразу, пошла к маме и потребовала объяснить. Потом несколько дней сердилась на всех сразу. Мне казалось, в школе люди смотрят на меня иначе, хотя никто там ничего не знал. Папа однажды молча положил мне на стол новый набор карандашей. Я рассердилась еще сильнее: решила, что меня пытаются задобрить. Вечером сама пришла к нему и попросила поточить два самых твердых, потому что ломался грифель. Он точил ножом над газетой, я сидела рядом. Мы почти не разговаривали.

Теперь мне стало больно от того, что папе я уже никогда не смогу рассказать про письмо. Он умер много лет назад. Ни одного объяснения от меня больше не ждал.

— Она знала этот адрес? — спросила я.

— Знала. Конечно. Тогда все знали, где мы живем. Это потом люди начали разъезжаться.

— Ты с ней общалась?

— Очень давно. После того как ты появилась у нас, несколько раз. Потом перестали. Это не было тайной от нее, куда ты попала. Просто... отношения не сложились.

Мама замолчала, перебирая край полотенца. Я ждала продолжения.

— Интересно, как ей жилось, — вдруг сказала мама. — В этом письме как будто все просто. Написала, ждет ответа. А я думаю: что у нее там было.

Я посмотрела на нее.

— Ты за нее переживаешь?

— Я за тебя переживаю. Но это не значит, что она мне враг.

Мама отодвинула тарелку с запеканкой и потянулась к ножницам. Срезала с нового полотенца последнюю пластиковую перемычку. Та упала на стол, прозрачная, почти невидимая. Мама долго ловила ее пальцем.

— Дай, — сказала я.

Я подняла перемычку и бросила в ведро.

Мы обе засмеялись. Коротко, от неловкости. Потом мама все-таки подвинула ко мне тарелку.

— Съешь половину. Я не могу одна смотреть на нее до вечера.

Запеканка была плотной, с поджаренным краем. Мама всегда жаловалась, что ее духовка слишком сильно греет снизу. Мы несколько раз собирались вместе выбрать другую форму, но каждый раз забывали.

— Давай в субботу съездим за формой, — сказала я.

Мама подняла на меня глаза.

— Не надо меня теперь развлекать.

— Я не развлекаю. Ты опять будешь отрезать черную корку.

— Она не черная.

— Коричневая. Очень решительно коричневая.

Мама улыбнулась.

Когда я собиралась, она принесла из комнаты мой старый шарф. Тот самый, который я оставила у нее еще в январе.

— Возьми. На остановке дует.

Я обмотала шарф вокруг шеи. Мама стояла у двери, не решаясь сказать что-то еще.

— Я буду звонить, — сказала я.

— Звони, конечно.

Я обняла ее. Она крепко прижала меня к себе, потом отодвинула и разгладила шарф на груди.

— Только ты не строй заранее, — тихо сказала она. — Всякое бывает.

Я кивнула и поправила шарф. Мама еще постояла в дверях, пока я спускалась.

Глава 4. Правила на обороте

Оксана позвонила в пятницу, когда я стояла перед открытым холодильником.

— Ты завтра помнишь?

Я смотрела на банку горчицы. Она занимала середину полки, как важный продукт, хотя мы открывали ее раз в месяц.

— Что завтра?

— Нина. Мы же договорились. У меня день рождения был, если ты не заметила.

— Заметила. Я тебя поздравила.

— Вот и приходи закрепить. К шести. Без торта, я сама сделаю.

Я закрыла холодильник.

— Оксан, я, наверное, не очень сейчас...

Она помолчала. Я рассказала ей об Артеме накануне, в обеденный перерыв. Про письмо не сказала. У меня еще не было для него слов, которые я могла бы произносить несколько раз в день.

— Ну и посидишь тихо, — сказала она. — Нас немного. Денис запечет рыбу, ты будешь сидеть у окна и ругаться, что дует.

— У вас действительно дует.

— Вот. Приходи. Я без тебя не справлюсь с критикой.

В субботу мы с мамой купили форму. Она выбрала синюю, с ручками, и всю дорогу домой держала коробку на коленях. Я хотела рассказать ей, что старый номер из письма пока не набирала. Но мама увлеченно рассматривала рисунок на коробке, и я оставила объяснение при себе.

К Оксане я пришла с желтыми тюльпанами и коробкой ее любимого печенья. Дверь открыл Денис в фартуке, надетом поверх клетчатой рубашки.

— Рыба готова, — сообщил он вместо приветствия. — У нас проблема только с именинницей. Она делает вид, что торт еще можно спасти.

Из кухни донеслось:

— Он нормальный!

Я сняла пальто, отнесла цветы. Торт действительно был нормальный: немного съехал набок, но крем пах лимоном. Оксана стояла над ним с лопаткой.

— Не трогай, — сказала я. — Еще хуже будет.

— Спасибо, дорогая. Вот тебя и ждала.

В комнате уже собрались гости. Я знала Оксанину сестру Иру и ее мужа, знала соседа Сергея. Незнакомый мужчина стоял у книжного шкафа, разглядывая фотографию Дениса в молодости. На снимке тот держал огромную рыбу за хвост и был неправдоподобно худым.

— Это не его, — сказал мужчина, заметив мой взгляд. — Рыбу дали поддержать.

— Клевета, — ответил Денис из коридора.

— Я там был.

— Именно поэтому я тебя больше на рыбалку не беру.

Оксана представила нас:

— Нина. Саша. Саша — друг Дениса. Не верь ничему, что они говорят друг о друге. По отдельности они еще приличные люди.

Александр улыбнулся и протянул мне руку. Ладонь была широкая, теплая, с небольшой царапиной у костяшки. Я пожала ее чуть крепче, чем собиралась.

За столом он сидел напротив. Сначала я почти не слушала разговор. Мне было неприятно, что никто не спрашивает про Артема. Оксана, вероятно, предупредила остальных, и

я была ей благодарна. Только один раз Сергей начал: «А где...» — и осекся, потянувшись за хлебом. Я сделала вид, что не услышала.

Рыба получилась пересоленной. Денис объявил, что так и задумано, потому что гарнир пресный. Александр попробовал картошку и сказал, что с гарниром он явно перестарался в обратную сторону. Оксана рассмеялась так, что пришлось придержать бок торта, стоявшего рядом.

Постепенно я начала есть. Потом взяла еще кусок. Было приятно, что никто не смотрит, сколько я съела, не замечает вслух, что я наконец улыбаюсь.

После ужина Ира предложила игру. Нужно было объяснять слова, не называя однокоренных. Карточки она сделала сама, на плотной бумаге, и некоторые получились слишком трудными.

— Землемер? — спросил Сергей. — Ты уверена, что мы сюда отдыхать пришли?

— Там есть попроще.

— «Канцелярия», — прочитал Денис следующую. — Действительно, сразу расслабился. Меня поставили в пару с Александром. Я сказала, что давно не играла.

— Я вообще не умею, — ответил он. — У нас хорошие шансы.

Первое слово было «черепица». Я объясняла крышу, отдельные кусочки, старые дома. Он уверенно предложил «шифер».

— Не шифер.

— Тогда плохой шифер.

— Маленькие такие. Внахлест.

— Чешуя?

Оксана засмеялась раньше, чем кончилось время. Я тоже рассмеялась, хотя ужасно хотелось выиграть хотя бы одну карточку.

Когда объяснял Александр, он говорил мало и показывал руками. На слове «телескоп» сделал такое лицо, будто подсматривал за соседом через дверной глазок. Я сказала «любопытство». Он приложил к глазу обе ладони, вытянул шею. Время кончилось.

— Ты же мог сказать про звезды, — возмутилась я.

— А ты могла посмотреть вверх.

— В правилах нет про «смотреть вверх».

— Значит, плохие правила.

Мы спорили недолго, но с удовольствием. Я поймала себя на том, что слежу за его руками, когда он собирает карточки. На левом безымянном пальце кольца не было. Я тут же рассердилась на себя: всего несколько дней назад муж объявил, что уходит, а я уже изучаю чужие пальцы.

После торта Александр помог Денису перенести складной стол на кухню. Я мыла чашки вместе с Оксаной. Она посмотрела на меня, но ничего не сказала. Я знала этот взгляд и пригрозила ей мокрой губкой.

— Даже не начинай.

— Я молчу.

— Очень громко молчишь.

На выходе Ира дала мне несколько карточек.

— Возьми Ксюше. У них компания большая, им понравится. Только правила на обороте не потеряй.

Я сунула их в карман. Внизу уже было темно. Александр шел впереди меня, остановился у подъезда и застегнул куртку.

— Вам в какую сторону?

— К остановке.

— Мне туда же.

Мы прошли вдоль дома. Он спросил, давно ли я знаю Оксану. Я рассказала про типографию, про то, как она однажды перепутала два одинаковых пакета и принесла на работу вместо обеда клубок шерсти. Александр засмеялся.

У остановки подошел мой автобус. Я попрощалась и шагнула к двери, но, взявшись за поручень, вспомнила про карточку с правилами. Она осталась на обувной тумбе: я доставала перчатки и положила ее сверху.

Я сошла обратно.

— Передумали? — спросил Александр.

— Правила забыла.

— Без них никак?

— Без них вы опять начнете изображать телескоп лицом.

Он улыбнулся.

— Тогда пойдем. Это надо предотвратить.

Мы вернулись к подъезду. Карточку принес Денис, даже не спросив, почему мы вместе. Я взяла ее, и мы снова пошли к остановке, теперь медленнее.

— Вы всегда так серьезно играете? — спросил Александр.

— Нет. Иногда еще серьезнее.

— Мне надо было предупреждение.

— На обороте, — сказала я и показала карточку.

Он наклонился посмотреть, и на несколько секунд его плечо оказалось совсем близко. От его куртки пахло улицей и деревом. В следующий автобус я села уже не торопясь.

Дома я выложила карточки на стол. Между ними лежал маленький листок, на котором Александр написал свой номер. Внизу добавил: «На случай спора о правилах».

Я долго смотрела на него. Потом сохранила номер и написала: «Черепица не бывает плоским шифером».

Ответ пришел через минуту.

«Я еще посмотрю».

Глава 5. Рабочий цвет

В понедельник первые листы большого тиража упаковки ушли в зеленый.

Я заметила это не сразу. На контрольном столе под лампой все выглядело приемлемо. Но когда я положила рядом утвержденный образец, разница стала очевидной. Лицо женщины на картинке приобрело усталый оттенок, будто она всю ночь ехала в автобусе.

— Стопни, — сказала я печатнику.

Он посмотрел на меня поверх очков.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Нина, мы уже двести прошли.

— Лучше двести, чем весь тираж.

Он выключил подачу, подошел к столу. Несколько секунд мы молча смотрели на два листа.

— Здесь свет другой, — сказал он.

Я перенесла образцы ближе к окну. Зеленый никуда не делся.

Печатника звали Вадим. Он был старше меня на пять лет, работал хорошо и терпеть не мог, когда его останавливали на ходу. Обычно после короткого спора мы разбирались. Сегодня он вдруг спросил:

— Ты сама нормально смотрела начало?

Я почувствовала, как лицо становится горячим.

— Смотрела.

— Ну так чего теперь?

Я могла сказать про Артема. Про письмо. Про то, что уже неделю сплю кусками и проверяю телефон, хотя никто не обещал звонить. Вадим бы замолчал. Может быть, даже извинился. Но образец на столе все равно оставался зеленым.

— Начало я пропустила, — сказала я. — Это моя часть. Сейчас остановила. Давай исправлять.

Он постоял, потом кивнул и вернулся к машине.

Мы потратили почти час. Я снова сравнила листы, записала результат, отложила испорченные отдельно. К обеду устала так, словно разгружала коробки. Испорченные двести листов лежали отдельной стопкой; свежий образец я наконец подписала.

Оксана заглянула ко мне с контейнером.

— Ешь?

— Сейчас.

— Саша спрашивал, не обидел ли тебя своей черепицей.

Я подняла голову.

— У тебя?

— Нет, у городского совета. Конечно, у меня.

— Не обидел.

— Так я и сказала.

Она поставила контейнер на край стола. В нем лежал кусок того самого торта, теперь уже окончательно сползшего набок.

— Последний, — сообщила Оксана. — Самый стойкий.

Я ела торт пластиковой вилкой и улыбалась. Потом вспомнила, что вечером должна встретиться с дочерью, и улыбка исчезла.

Ксения выбрала кафе возле своей работы. Она пришла в широком сером свитере, волосы собрала в небрежный узел. Когда-то я каждое утро заплетала ей косы, затягивая резинки так,

что она жаловалась. Теперь из узла торчали пряди, и я с трудом удерживалась, чтобы не убрать их.

— Ты какая-то странная, — сказала она, садясь.

— Я хотела поговорить.

— Я поняла по телефону. Что случилось?

Я рассказала сразу. Без вступления о том, что люди иногда меняются, без попытки смягчить слово «другая». Ксения смотрела на меня, потом опустила глаза на меню.

— Давно?

— Почти год, как он сказал.

Она провела пальцем по краю страницы.

— А ты когда узнала?

— Во вторник.

— Почему мне не позвонила?

— Не могла сначала. Нужно было самой понять, что говорить.

— Папа мне вчера звонил. Спрашивал про работу.

Я кивнула. Мне было неприятно, что Артем говорил с ней обычным голосом, пока я собиралась с силами. Но я не хотела, чтобы Ксения слышала это вместо главного.

— Он сейчас живет не дома, — сказала я. — Мы будем разводиться.

— Ты решила?

— Да.

Она закрыла меню.

— Я не знаю, что сказать.

— Не надо сейчас ничего правильного.

— Я вообще ничего не знаю.

Официантка подошла принять заказ, и мы обе замолчали. Ксения попросила суп. Я — чай и бутерброд, хотя есть не хотелось. Когда официантка ушла, дочь спросила:

— Тебе страшно одной?

Мне хотелось ответить «нет», чтобы она не переживала. Потом я вспомнила, как стояла перед холодильником, не понимая, для кого покупать большую упаковку сыра.

— Иногда, — сказала я. — Но я справляюсь.

— Я могу приехать.

— Приезжай. Только не переезжай спасать меня.

— Я и не собиралась переезжать. У меня дома кот.

Мы обе засмеялись. Кота Ксения подобрала прошлой осенью и назвала Тапком. Он был длинный, серый, с удивленно поднятыми бровями. Артем говорил, что взрослому человеку пора заводить нормальные планы, а не котов. При этом, когда приезжал к дочери, первым делом проверял, есть ли у Тапка корм.

Ксения помолчала и вдруг сказала:

— Я на него злюсь.

— Я тоже.

— Но я все равно буду с ним разговаривать.

— Конечно.

Она посмотрела на меня внимательно, будто проверяла, не надо ли угадать другой ответ. Я выдержала этот взгляд.

— Я не прошу тебя с ним ссориться, Ксюша.

— Хорошо.

Про письмо я рассказала позже, когда принесли чай. Ксения знала, что меня удочерили, но относилась к этому как к старому семейному факту, почти так же спокойно, как к тому, что дед когда-то работал на железной дороге. Теперь она слушала, широко раскрыв глаза.

— Он его спрятал?

— Да.

— Мам.

— Я сама еще не понимаю.

Она взяла конверт, который я принесла с собой, но читать без спроса не стала.

— Можно?

Я кивнула.

Ксения читала быстрее мамы. Закончив, долго смотрела на подпись.

— Ты позвонишь?

— Попробую.

— Хочешь, я поищу?

— Пока сама. Если понадобится, попрошу.

Она аккуратно вернула листы в конверт.

— Мне кажется, у тебя должны быть ее глаза.

Я улыбнулась.

— Ты же ее не видела.

— Вот именно. Мне теперь хочется увидеть.

Я поняла, что не только мне.

Мы вышли из кафе почти в девять. Ксения крепко обняла меня, прижалась щекой к моему виску и не сразу отпустила. Потом пошла к метро, оглянувшись один раз.

Я стояла у остановки, когда телефон завибрировал.

Александр написал: «Выяснил. Плохого шифера не бывает. Бывает плохо уложенный».

Я ответила: «Это многое объясняет».

Он спросил, свободна ли я в воскресенье. Я посмотрела на мокрый асфальт, на отражение фонаря в луже, на автобус, который подъезжал к остановке.

«Свободна», — написала я.

Глава 6. Старая улица

В среду я набрала номер из письма.

Сначала проверила каждую цифру. Потом еще раз. Телефон лежал на столе, включенный на громкую связь, и длинные гудки звучали слишком громко для пустой кухни. Я убавила звук, потом взяла аппарат в руку.

Ответил мужчина.

— Алло.

Я испугалась так, будто меня застали за чем-то неприличным.

— Здравствуйте. Скажите, пожалуйста, это номер Галины Сергеевны?

— Нет.

— Извините.

— Вы уже не первая. Давно этот номер у меня.

— Понятно. Простите.

Он отключился. Я некоторое время держала телефон возле уха. Голос был обычный, чуть раздраженный. Я еще раз сверила номер с письмом. Ошибки в цифрах не было.

Я открыла ноутбук и ввела ее имя. Появились десятки одинаковых сочетаний. Женщина в очках возле клумбы, женщина на школьном празднике, женщина с собакой. Я искала лицо, которого не знала, и это быстро стало мучительным. У первой мне казались знакомыми брови, у второй — подбородок. Третья была явно моложе, но я все равно открыла фотографию.

Через полчаса я закрыла крышку.

На плите выкипела вода из маленькой кастрюли. Я собиралась сварить яйцо, поставила воду и забыла добавить само яйцо. Оно так и лежало рядом, белое, холодное, целое. Я выключила плиту и рассмеялась. Смех получился злым.

Потом сделала себе бутерброд. Села есть без телефона.

В письме был не только номер. Галина написала, где работает: мастерская штор на Советской улице, рядом с бывшим кинотеатром. Я нашла улицу на карте. Кинотеатр теперь назывался культурным центром, а рядом располагались канцелярский магазин и мастерская обуви. Я убрала карту: смотреть на чужие вывески было бессмысленно.

Я набрала название мастерской отдельно. Старой страницы не оказалось, зато нашлась небольшая публикация о городской выставке домашнего текстиля. На фотографии стояли три женщины возле длинной занавеси. Подпись перечисляла имена слева направо. Последней была Галина Воронцова.

Я увеличила снимок.

Женщина справа была невысокой, с короткими темными волосами, в которых у висков светлела седина. Она смотрела не в камеру, а на соседку. Улыбалась одним уголком рта. У меня так улыбалась Ксения, когда пыталась скрыть, что ей смешно.

Я тут же отодвинулась от экрана. Сходство могло быть выдуманным. Я успела найти его уже у трех чужих женщин.

Публикация была двухлетней давности. Внизу стояло новое название мастерской и ссылка на ее открытый рабочий контакт.

Я написала коротко: «Здравствуйте. Подскажите, пожалуйста, работает ли у вас Галина Сергеевна Воронцова? Хотела бы передать ей личное письмо. Если возможно, пусть она сама свяжется со мной».

Потом стерла «личное письмо». Написала «личное сообщение». Еще раз прочитала. О родстве не добавила ни слова.

Ответ пришел на следующий день, когда я возвращалась с работы. «Да, работает. Передадим ваш номер».

Я остановилась на тротуаре, пропуская людей. На секунду показалось, что теперь все должно произойти немедленно. Она выйдет из мастерской, наберет меня, скажет мое имя. Я даже не знала, что отвечу.

Но вечером никто не позвонил.

В пятницу тоже.

В субботу я поехала к маме помочь повесить новую занавеску на кухне. Она купила ее сама, короткую, с мелкими листьями. Я стояла на табурете, а мама придерживала его снизу и давала советы, которые не помогали попасть крючком в петлю.

— Левее.

— Мам, я вижу.

— Ты правее двигаешь.

— Потому что там петля.

Когда я спустилась, мы обе отошли к двери посмотреть. Занавеска висела немного выше, чем старая, и подоконник казался шире.

— Хорошо, — сказала мама. — Светлее стало.

Я села на табурет.

— Я нашла ее работу.

Мама повернулась ко мне.

— Точно?

— Имя совпало. И мастерская. Номер передали. Пока не звонит.

Она кивнула.

— Может, думает.

— Может.

Я хотела спросить, почему она вообще должна думать, если сама когда-то написала. Но девять лет лежали между нами на кухне, и мама не могла убрать их одним ответом.

— Я завтра на прогулку иду, — сказала я.

— С Оксаной?

— С мужчиной.

Мама медленно поставила чашку.

— Вот как.

— Мам, пожалуйста.

— Я ничего не сказала.

— Ты уже сказала лицом.

Она засмеялась.

— Зовут-то как?

— Саша. Александр.

— Давно знакомы?

— Неделю.

Мама посмотрела в окно, потом снова на меня.

— Шарф возьми. У воды холоднее.

Я обняла ее за плечи, стоя за спинкой стула. Она похлопала меня по руке.

Дома я выбрала куртку. Потом другую. Достала темно-синие брюки и долго рассматривала себя в зеркале. Мне казалось, все вещи выдают, что я стараюсь выглядеть человеком, у которого назначено свидание. В итоге надела то, в чем было удобно ходить, а на стул положила красный шарф.

Перед сном открыла фотографию мастерской еще раз.

Галина смотрела на соседку, чуть приподняв один уголок рта. Я провела пальцем по экрану, увеличила лицо, уменьшила. Потом выключила телефон и положила на тумбочку экраном вниз.

На завтра у меня уже был план. Я очень не хотела отменять его ради звонка, который мне пока никто не обещал.

Глава 7. Не та пристань

Александр ждал меня у киоска с кофе. На нем была темно-зеленая куртка, расстегнутая у горла, и шарф, завязанный так небрежно, будто он намотал его уже в подъезде.

— Я хотел купить вам кофе, — сказал он. — Потом понял, что не знаю, какой.

— Обычный. С молоком.

— Обычных там шесть видов. Я проверил.

Я подошла к окошку и заказала два стакана, прежде спросив, что будет он. Александр попытался заплатить за оба, я удержала свою карту возле терминала.

— В следующий раз вы.

Он посмотрел на меня.

— Договорились.

Я поняла, что сама произнесла «в следующий раз», и поспешно взяла стакан.

Река была темной, с мелкой рябью. По берегу еще тянулись полосы старого снега, но на солнце уже пахло водой и мокрым камнем. Вдоль ограды шли люди, щурясь, как после долгого сидения в помещении. Я почувствовала себя одной из них: слишком тепло одетой, неловкой, но вышедшей.

Александр показал на ступени впереди.

— Нам туда. Первый рейс в час.

— Вы проверили?

— Разумеется.

Он сказал это с такой уверенностью, что я пошла за ним без сомнений.

У пристани висела цепь. За ней стоял маленький павильон с закрытым окном. На двери было написано, что отправление прогулочных рейсов перенесено к северному спуску.

Александр прочитал объявление. Потом еще раз.

— Прекрасно.

— Вы проверили расписание, — сказала я. — А пристань решили выбрать по памяти?

— По очень хорошей памяти. Лет пятнадцать назад отсюда точно ходили.

Я посмотрела на него. Он не стал объяснять, почему сайт плохой или кто виноват. Достал телефон, нашел карту, нахмурился.

— До северного спуска минут сорок пешком. Мы не успеем.

— Следующий когда?

— Через полтора часа.

Я посмотрела на воду. Мне было обидно. Не из-за кораблика даже. Я с утра выбирала шарф, представляла, как мы будем стоять рядом у борта, и теперь злилась на собственную старательность.

— Извините, — сказал Александр. — Я действительно посмотрел не туда.

— Бывает.

Получилось слишком сухо.

Он убрал телефон.

— Мы можем все-таки дойти до другой пристани. Или просто пройтись. Или вы можете решить, что с человеком, который не умеет отличать север от юга, лучше не связываться.

— Север от юга вы отличаете?

— Сейчас уже не уверен.

Я улыбнулась, хотя не собиралась.

Мы пошли вдоль реки. Сначала разговор не клеился. Я отвечала коротко, он не пытался вытянуть из меня веселье. Возле старой водонапорной башни остановился и посмотрел вверх.

— Мне в детстве казалось, там кто-то живет.

— Кто?

— Один очень строгий человек. Следит, чтобы вода не кончилась.

— И спит по очереди с другим строгим человеком?

— Нет. Этот вообще не спит.

— Ужасная работа.

— Поэтому я и не пошел.

Я засмеялась. Напряжение отпустило неожиданно, на этой глупости про башню.

Мы свернули с набережной на небольшую улицу. В витрине мастерской стояли деревянные кораблики. Один был недоделан: без мачты, с торчащими щепками. Александр задержался у стекла.

— Вот этот мне нравится.

— Он же не готов.

— Зато видно, как делают.

Он наклонился к стеклу, разглядывая крепление мачты. А я уже успела приписать ему любовь ко всему незаконченному. Откуда я это взяла?

— Чем вы занимаетесь? — спросила я.

— Жалюзи. Ставлю, чиню, меняю. Иногда объясняю людям, что кошка победит любой механизм, если дать ей время.

— У вас кошка?

— Нет. Я их вижу на работе. Некоторые запоминают и встречают как личного врага.

Он рассказал про рыжего кота, который унес у него маленькую деталь, а потом сидел на шкафу и смотрел, как хозяйева ползают по полу. Александр показывал размер детали большим и указательным пальцами, и я снова заметила царапину на руке.

— А вы? Оксана сказала, типография.

— Проверяю, что напечатали. Цвет, совмещение, всякое такое.

— То есть смотрите, где другие ошиблись.

— Иногда — где я сама пропустила.

Я рассказала про зеленый тираж. Александр спросил, удалось ли исправить и кто теперь оплачивает испорченные листы. Пришлось объяснить, как у нас учитывают брак; он дослушал до конца.

В маленькой пекарне мы купили пирожки. Александр взял с капустой и почти сразу обнаружил внутри яблоко. Посмотрел на разлом, вздохнул.

— Сегодня день точности.

Я протянула ему половину своего.

— У меня точно капуста.

Он взял, и наши пальцы на секунду соприкоснулись. Я почувствовала это сильнее, чем следовало бы. Он, кажется, тоже заметил, потому что посмотрел на меня и замолчал.

Мы ели на скамейке, завернув пирожки в салфетки. Между нами стояли пустые стаканы из-под кофе. Проходившая женщина сердито сказала, что урна рядом. Я показала, что стаканы наши и мы их уберем. Александр дождался, пока она уйдет, и тихо спросил:

— Можно я свой пока подержу? Вдруг еще проверка.

Я рассмеялась с полным ртом и прикрыла лицо ладонью.

К северной пристани мы все-таки дошли. Кораблик стоял у берега, люди уже поднимались на борт. До отправления оставалось десять минут.

— Пойдем? — спросил Александр.

Я посмотрела на узкую лестницу, на мокрую палубу, на часы. Мне было хорошо здесь, на берегу. Не хотелось снова бежать, чтобы непременно выполнить первоначальный план.

— Давайте в другой раз. Сегодня я уже нагулялась.

— Давайте.

Он сказал это легко, без разочарованного вздоха.

На обратном пути мы перешли на «ты». Получилось само собой: я спросила, не замерзли ли у него руки, он ответил, что мои наверняка замерзли сильнее, потому что я все время держу перчатки, а не надеваю. Я действительно держала их в кармане куртки.

— Ты знаешь, что я пока замужем? — спросила я.

— Оксана сказала, что вы расстались. Подробности я хотел у тебя спросить.

— Мы подали документы на развод. Возвращаться я не собираюсь. Но пока все это еще идет.

— Я понял.

Он помолчал, потом добавил:

— А я давно разведен. Чтобы ты тоже знала.

Мы дошли до остановки. Там он спросил:

— Можно позвонить вечером?

— Можно.

— Не чтобы выяснить, простила ли ты пристань.

— Я подумаю до вечера.

Он улыбнулся. Я вошла в автобус и села у окна. Александр стоял на тротуаре, засунув руки в карманы. Когда автобус тронулся, поднял ладонь.

Я подняла свою.

Дома красный шарф пах речным воздухом. Я повесила его на спинку стула и только потом посмотрела телефон. Пропущенных звонков не было.

Впервые за несколько дней эта пустота не испортила мне весь вечер.

Глава 8. Чужой голос

Галина позвонила во вторник в семь часов вечера.

Я резала огурец и сначала не услышала телефон. Он лежал в комнате, под кофтой, которую я бросила на кресло. Пока вытерла руки и нашла телефон, звонок почти закончился.

— Алло?

— Здравствуйте. Это Нина?

Женский голос был низким, чуть хриловатым. Я прислонилась спиной к стене.

— Да.

— Мне передали ваш номер. Вы хотели поговорить с Галиной Воронцовой.

— Да. Я... Вы Галина Сергеевна?

— Да.

Я закрыла глаза. За окном проехала машина, и по потолку скользнула полоска света.

— Вы писали письмо Нине Титовой. Девять лет назад.

На том конце стало тихо.

Я слышала, как она дышит. Потом что-то негромко стукнуло, словно она поставила чашку.

— Это вы?

— Я. Нина.

— Я думала, письмо не дошло. Или...

Она не договорила.

— Оно дошло. Только не ко мне. Я нашла его сейчас.

Я объяснила коротко. Не стала рассказывать про Алину, про гладильную доску, про все, что у меня было внутри этого объяснения. Сказала, что муж убрал конверт и не передал.

— Как же так, — произнесла Галина.

Я не знала, вопрос это или просто слова.

— Я тоже не знаю.

Она спросила мой день рождения. Потом имя папы. Назвала одну старую соседку, которую я помнила только по короткой стрижке и громкому смеху. Я ответила. Мне не было обидно, что она проверяет. Я сама смотрела на фотографию чужой женщины и пыталась решить, можно ли ей верить.

— Да, — сказала она наконец. — Это я писала. У меня был только тот адрес. Я не знала, где ты живешь теперь.

Она впервые сказала «ты».

Я села на край кресла.

— Я там же. Мама отдельно давно. А я... осталась.

— Валентина как?

— Хорошо.

— Она знает, что ты меня искала?

— Знает, что я ищу.

Галина выдохнула.

— Я не хотела ее обидеть.

— Она не обиделась.

Я не была уверена, что имею право говорить за маму, но сейчас хотелось убрать хотя бы одно препятствие. Слишком много их было между обычными вопросами.

— Тебе сколько? — спросила Галина и тут же поправилась: — Я знаю сколько. Сорок пять. Просто как-то...

— Да. Недавно было.

— У тебя дети есть?

— Дочь. Ксения. Двадцать два.

— Взрослая.

— Взрослая.

Я каждый раз дожидалась, пока она заговорит, и потом спешила ответить, чтобы пауза не затянулась.

Я спросила, по-прежнему ли она шьет шторы. Она ответила, что да, хотя теперь меньше работает за машинкой, больше принимает заказы и считает ткань. Начала рассказывать про помещение, которое они сменили после того, как старый хозяин поднял аренду. Я слушала с такой жадностью, будто в истории о помещении было объяснение всей моей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.